

ОБРАЗ ЕВРОПЕЙЦА В ТРАДИЦИОННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ РУССКОГО НАРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК, СОБРАННЫХ В.И. ДАЛЕМ)

Т.В. Краюшкина

Ключевые слова: психофольклористика, фольклор, русская народная пословица, русская народная поговорка, европеец, В.И. Даль.

Keywords: psycho-folklore studies, folklore, Russian proverb, Russian saying, European, V.I. Dahl'.

Устное народное творчество донесло до наших дней традиционные представления русского этноса о разнообразных формах верований и многих реалиях жизни, в том числе и систему представлений о других народах. Традиционное представление базируется на особом мировосприятии: пространство, время, люди, предметные реалии и прочие компоненты мира четко делятся на две категории – *свое* и *чужое*. *Свое* не представляет опасности, *чужое*, напротив, потенциально опасно; «<...> традиционно в русском менталитете доминирует противоборство добра и зла, причем добро, как правило, связано с близкой общностью (крестьянская община – первоисточник), а зло проистекает от ее разнообразных врагов <...>» [Богаевская, 2005, с. 295].

С этой позиции, видимо, традиционной культурой и воспринимались представители других народов, которых на Руси именовали *чужаками*, *инородцами*. Они говорили на непонятных языках, отличались от русских своей одеждой и прическами, манерами поведения. В традиционной культуре им приписывалась связь с нечистой силой и даже родство с нею, они якобы обладали способностью колдовать, обладали даром навести порчу, они лишены души, имеют плохой запах, их телам приписывается особая зооморфная черта – наличие хвоста [Белова, 2005]. Однако встреча с чужаками, считалось, могла принести счастье [Плотникова, 1995]. Но при этом «по отношению к «чужим» в народной культуре существует своеобразная иерархия: одни инородцы / иноверцы оказываются на поверку менее «чужими», чем другие» [Белова, 2002, с. 71]. К чужим относились евреи, цыгане же, принявшие православие, «воспринимаются как часть «своего» сообщества» [Белова, 2002, с. 74].

Безусловно, кроме мифологических представлений о других этносах на формирование восприятия чужеземцев большое влияние оказали и бытовые контакты русских с ними. В результате этого – довольно сложного синтеза мифологических представлений, реальных контактов,

специфики усвоения материала фольклорным сознанием и особенностей функционирования того или иного жанра устного народного творчества – и сложилось стереотипное восприятие других народов, нашедшее отражение в русском фольклоре. Каждый из фольклорных жанров с учетом присущей ему уникальности отражает ту или иную составляющую комплекса представлений о других этносах. Таким образом русское устное народное творчество в целом является энциклопедией традиционных представлений о других этносах. Особая ценность в этом плане принадлежит паремийному фонду, а именно пословицам и поговоркам (загадки и другие формы малых жанров лишь в незначительном количестве содержат информацию о других народах).

Психология народа является предметом исследования ряда гуманитарных дисциплин. «Собственно говоря, основной предмет психологии народов – это конкретно-исторические формы объективации «духа» в виде традиций, обычаев, ритуалов, мифов и различных видов искусства в их особенной для каждой культуры форме. Важнейшим предметом исследования психологических антропологов является то, как объективированные формы духовной культуры воздействуют (формируют) особенности поведения личности и содержание ее внутренних переживаний» [Белик, 2001, с. 9]. Психофольклористика – набирающая популярность область исследования фольклора – несомненно внесет свой вклад в решение обозначенной проблемы. С ее позиции мы и будем исследовать пословицы и поговорки, в которых отражен многовековой опыт русских, полученный во время контактов с представителями других наций. Для анализа фольклорного материала привлекается методология психофольклористики, которая на первом этапе сводится к фольклорному анализу текста. Затем, на втором этапе, из него вычленяются компоненты, содержащие зафиксированные в слове представления о психологии (обобщенно – в виде аксиом), присущие русскому народу. На третьем этапе на их основе воссоздается картина восприятия русским этносом психологии европейских народов и через призму этого становится очевидной специфика психологии самого русского этноса, отраженная в устном народном творчестве. Предмет статьи – образ европейца. Цель статьи – выявление комплекса представлений русских о европейских народах.

Значимую часть русского паремийного фонда представляют пословицы и поговорки о европейцах. В качестве материала для анализа послужили пословицы и поговорки, записанные В.И. Далем [Даль, 2000]. К работе был привлечен весь корпус пословиц и поговорок о европейцах из сборника В.И. Даля (всего выявлено 83 паремии, в том числе 36 – о немцах, по 17 – о французах и поляках, 4 – о греках, по 3 – о литве и

шведах, по 1 паремии – об англичанах, грузинах и молдаванах); большая часть из них приводится в данной статье. Несмотря на неравнозначную количественную репрезентацию паремий о каждом из перечисленных европейских этносов, в совокупности материал представляется ценным и достаточно убедительным, являя целостную (в рамках специфики паремийного фонда, безусловно) картину.

Многие пословицы и поговорки о европейцах уже не известны современным россиянам, тем не менее именно паремийный фонд является одной из основ, на которых зиждется трафаретное знание русского народа о других этносах. Память о контактах с европейцами в Средние века у русских почти не сохранилась (как о татаро-монгольском иге, например), но битва под Полтавой, состоявшаяся в 1709 году и закончившаяся поражением войска Карла XII, в пословицах и поговорках отражена: *«Пропал, как швед без масла»*, *«Пропал, как швед под Полтавой»*, *«Швед – нерубленая голова»*.

Французы в сознании русского народа прочно ассоциируются с 1812 годом. Они стремились победить Россию, но потерпели поражение: *«Наругался француз, да не надолго»*. Пословицы описывают сильный голод французов (*«Голодный француз и вороне рад»*, *«Как голодный француз, как голодный волк»*), их страх (*«Пуганый француз и от козы бежит»*, *«Французу давно след простыл»*) и неспособность переносить холод (*«Замерз, как француз; замороженный француз»*). Они сами виноваты в постигших их несчастьях (*«Сам себя сжег француз, сам и поморозил»*, *«Был не опален (Наполеон), а из Москвы вышел опален»*). Французы, посягнувшие воевать с русскими на русской земле, на ней и погибли: *«Раскидал кости свои на чужбине, как француз»*, *«Чьего поля французы костями своими не усеяли?»*. Французы, топтавшие Россию, подлежат уничтожению, их ждет страшная смерть от рук крестьян: *«Я тебя, как француза, живьем закопаю»*, *«На француза и вилы ружье»*.

О чертах характера французов, не связанных с Отечественной войной 1812 года, в пословицах и поговорках говорится крайне мало. Негативно оцениваются их тела и души (*«У француза ножки тоненьки, душа коротенька»*) (то же самое говорится и о немцах), их нелепое, с точки зрения русских, телосложение (*«Француз – кургуз»*), именно с французом сравнивают человека, когда осуждают его болтливость и неосмотрительность (*«Это – суций француз (т. е. говорлив и опрометчив)»*). Лишь в одной пословице представлено положительное качество француза, да и то сравнивается с русским, причем оценивается не в пользу иностранца (*«Француз боек, а русский стоек»*) (то же говорят о поляках)). Стремление русского казаться представителем другой, более значимой, национальности, высмеивается следующим образом: *«Я*

русский, на манер французский, только немного погипшанистее», при этом стабильному качеству – национальности – приписывается степень и переходность.

Значительное количество паремий посвящено немцам. Отношение к ним отличается от отношения к французам, в какой-то степени оно схоже с оценкой цыган в русских паремиях. Так, положительно оценивается немецкая статья: *«С немецкой стати на дурацкую статью (или: руку, лад)»*. Способность немцев изобретать отражена в следующих пословицах: *«У немца на все струмент есть»*, его изобретения касаются даже элементарных вещей: *«Немец без штуки с лавки не свалится»*. Его изобретательность поднимается на уровень хитрости: *«Немец хитер: обезьяну выдумал»*. Положительными чертами немецкого характера также называются ученость: *«Немецкая (т. е. точная, школярная) ученость»*. Обращает внимание определение «настоящий»: *«Настоящий немец (точен, педант, причудлив)»*.

В пословицах о немцах весьма часто используется сравнение с русскими (что не характерно для пословиц о других народах). Оно может быть и в пользу немцев. В этом случае сравнивается способность изобретать и перенимать (то есть создавать и воспроизводить): *«Немец своим разумом доходит (изобретает), а русский глазами (перенимает)»*. При этом немцам отказывается в сообразительности, сравнение с русскими выстроено таким образом, что отсутствует превосходство одной нации над другой: *«Кабы у немца наперед, что у русского назади – с ним бы и ладов не было (ум)»*.

Одной из потребностей человеческого вида является принадлежность к группе, при этом особо важной оказывается национальная принадлежность. Перенимание от немцев тех или иных качеств связано в русском сознании с переходом в другую этническую группу. Но этот переход не всегда имеет завершённый результат: *«От русской отстали, а к прусской не пристали», «От русских отстал, а к немцам не пристал»*. Ношение европейской одежды также воспринимается русским народом как отказ от русскости: *«И наша дура коты обула. И мы в немцах (т. е. по платью)»*. Отрицательно оценивается и ношение женщинами европейского платья, которое, однако, не лишает его владельца традиционного женского качества – «короткого ума»: *«В долгом платье, да в коротком разуме (о женском немецком платье)»*.

Но в сравнении может положительно оцениваться и русский этнос. Так, русские превосходят немцев в способности выживать в критических условиях: *«Что русскому здорово, то немцу смерть»*. О физическом превосходстве говорится следующее: *«Русский немцу задал перцу»*. И о превосходстве русских над немцами без конкретики сообщает такая

пословица: *«Прусский гут (хорош), а русский гутее»*. В одной из пословиц немцы связаны с событиями 1812 года. Так, сообщается, что ими утрачена память о победе русских: *«Позабыли немцы двенадцатый год»*, то есть они, как видится русскому народу, должны вести себя как побежденные, но этого в реальности не происходит. Русские пословицы демонстрируют диаметрально противоположное отношение к труду. Отрицательно оценивается продолжительность рабочего дня у немцев: *«Русский час – десять, а немецкому и конца нет»*. Отрицательное значение имеет принадлежность к немецкому и в другой пословице, также связанной с периодом времени: *«Немецкую масленицу справлять (то есть гулять во время поста)»* (на Руси праздники во время поста были запрещены).

Существует ряд пословиц, где изображаются и отрицательные черты характера немцев. Например, способность плутовать: *«Это финтифанты, немецкие куранты (то есть плутни)»*. В одном ряду стоят определения, указывающие на способность обманывать, не исповедовать веры в Бога, принадлежать к иному вероисповеданию: *«Немечина хитрая, безверная, басурманская»*. Причем эта характеристика приписывается не конкретному представителю нации, а всей нации («немечине»). Двойное прочтение имеет пословица *«Штуки – шпеки, немецки человеки»*, поскольку слово «шпек», то есть «шпик», имеет два значения: «сало» и «тайный агент полиции». Но и в одном, и в другом прочтении слова немцы оцениваются отрицательно: высмеивается их любовь к салу или же черта характера, чуждая русскому народу: *соглядатайствовать и докладывать об увиденном властям. Любовь к спиртным напиткам также нашла отражение в пословице: «Сапожник наступался, портной настегался, музыкант наканифолился, немец насвистался, лакей нализался, барин налимонился, солдат употребил»*, показательно, что в этом ряду есть упоминание о представителях лишь одной национальности – немцах, другие же субъекты, о которых идет речь, – представители той или иной профессии или социального класса.

Русскому народу претит ношение немцами русских имен и отчеств. В этом русские видят посягательство чужаков на принадлежность к русской нации: *«Шпрехен зи деич, Иван Андреич?»*. Высмеивается специфика наименований у немцев: их отчества образованы от их имени: *«Немец Иван Иванович, Адам Адамыч и пр.»*. Возможность невозможного удивляет немцев, проявляющих в этом случае способность идентифицировать других с позиции собственного мировосприятия: *«Один Иван – должно; два Иван – можно; три Иван – никак не возможно (сказал немец про Ивана Ивановича Иванова)»*.

Немцы не понимают русских и по-русски, это выражено в следующей паремии: *«Вас ис дас? – Кислый квас»*. О разных вещах

говорят русский и немец в пословице: *«Сколько (часов) било? – Один бил, два держил (отвечал немец, которого наказали)»*.

Англичанам посвящено незначительное количество паремий. В одной из них высмеиваются русские, выдающие себя за представителей другой национальности: *«Настоящий англичанин (т. е. корчит барина, тороват, чудака и делает все по-своему)»*.

В русских пословицах и поговорках говорится и о западных славянах – поляках. Обращает на себя внимание тот факт, что другие западные славяне – чехи, словаки и лужичане – остались за рамками паремийного фонда русского народа. Видимо, на это повлияли как общая с поляками значительная протяженность границ, важные исторические события (в том числе военные действия), так и бытовые контакты. Пословицы о поляках имеют следующую специфику: в них (в сравнении с рассмотренными выше народами) говорится не только об этносе, но и о государстве, причем не в пользу Польши. Противопоставляется *наше* и Польша (то есть присутствует противопоставление уже не столь по национальному признаку, а скорее по территориальной принадлежности). Свое, естественно, позиционируется как правильное: *«У нас не Польша: есть и больше (т. е. больше боярина, вельможи, своевольника)»*, *«У нас не в Польше, муж жены больше»*. Несоблюдение закона изображается чертой всего государства, причем по нарастающей, связанной с отдаленностью от территории *нашего*: *«Что дальше в Польшу, то разбою больше»* (в чем можно усмотреть прямую кальку мифологических представлений *о своем* и *чужом*: чем дальше, тем более чуждое, неправильное, отдаленное от нормы).

Военные действия поляков на территории России отразились в поговорке, построенной на игре слов: *«Экое лихолетье»* или *«Экое ляхолетье»* (так говорили о польском владычестве, где между лихой годиной, бедственной порой, голодом, мором (именно так объясняется слово «лихолетье») и польским владычеством ставится знак равенства). Но Россия освободилась от поляков благодаря помощи казаков: *«Пришли казаки с Дону да погнали ляхов до дому (освобождение Москвы от поляков в 1612 году)»*.

Большая часть пословиц посвящена представителям польской нации. Одной из отрицательных черт характера поляков считается способность посягать на чужое имущество: *«Постой, лях, это не твое»*. В пословицах о поляках с помощью слов из польского языка, отличающихся в переводе от русских, но звучащих сходно с русскими, высмеивается их способность лгать: *«У поляка и приказ рассказ (rozkaz)»*. Поляки представлены вечно голодными: *«После обеда и лях мудер (т. е. сытый)»*, нищими: *«Овруцкая (Ошмянская) шляхта (т. е. голыш, оборванец)»*, при этом русский народ

высмеивает их принадлежность к дворянству: *«Гол, да в шляпе, – тот же шляхта»*. Об этом же говорит и другая пословица: *«Хоть шляхтич дробной, да породы доброй»* (то есть бедный, но знатного рода, а бедность и знатность – в русском сознании явления трудно совместимые). Одна из пословиц сравнивает русского, еврея и поляка, при этом русский называется мужиком, а еврей и поляк – по национальному признаку. Видимо, в психологии русского народа градация по половому признаку (и сопутствующему ему социальному статусу) и национальному признаку (при идентичной половой принадлежности) – величины близкого порядка, которые можно сравнивать: *«У мужика зрудь никогда не зябнет, у жида пятки, у ляха уши»*. Показательно, что в паремийном фонде *мужик = русский*, представители других национальностей определяются по своей этнической принадлежности (преимущественно речь идет о мужчинах, в единичных случаях – о женщинах). В этой пословице обращается внимание на открытость русского, его смелость, на трусость еврея (у него пятки открыты, то есть он готов к бегству, или, по-другому, обувь истоптана от постоянного бегства) и на потребность поляка подслушивать (так объясняются его открытые уши). Противоположный смысл вкладывается в пословицы о смерти поляка. В одной паре пословиц его смерть представлена окончательной, здесь выражено скорее сочувствие поляку: *«Помер лях, да и сам не рад», «Не рад лях, что помер, да ногами дрягает»*. Во второй паре описывается его живучесть, которая русским народом оценивается как отрицательная черта: *«Помер лях, а ногами дрягает», «Лях и умирает, а ногами дрягает»*.

Незначительное количество пословиц и поговорок посвящено литовцам, причем позиционируется их связь с нечистой силой. Она прочитывается в пословице о нападении великого князя литовского Витовта в 1404 году на Смоленск: *«К кому Богородица, а к нам Литва. (Икона спасла Москву от Тамерлана, а Витовт ограбил Смоленск)»*.

О прочих европейских народах русские сложили незначительное количество пословиц и поговорок. Останемся на православных народах. Показательно, что маркер «общая вера» никак не отражен в паремиях, то есть противопоставление по национальному признаку оказывается более значимым. Так, высмеиваются кулинарные пристрастия греков и их жадность (*«Грек одну маслинку съест – и то пальчики обсосет»*), способность лгать (*«Грек скажет правду однажды в год»*) и смешивать правду с ложью (*«Коли грек на правду пошел, держи ухо остро»*). Связь с нечистой силой обозначена в пословице о молдаванах (*«Бог создал Адама, а черт – молдавана»*), высмеиваются глупость грузин (*«Семеро грузин мухоморов обьелись»*). О иностранцах вообще русский народ говорит следующее: *«Голь на выдумки торовата (относительно заходях*

иноземцев)» (то есть выделяет два их признака: нищету и развитое логическое мышление), «*На русском хлебе отъелся (говорят о сытых или богатых иностранцах)*» (здесь подчеркивается, что Россия – легкий в добычании денежный мешок для приезжих гостей).

Итак, пословицы и поговорки русского народа, собранные В.И. Далем, донесли до наших дней систему представлений о европейцах, характерную для традиционной культуры, отличную от восприятия европейцев представителями высшего сословия России. В паремиях о европейцах для русского народа более значимы контакты (реже военные и чаще мирные, бытовые) между мужчинами: столкновение преимущественно мужских миров – русского и европейского – изображено в пословицах и поговорках. Возвращаясь к упомянутому во введении синтезу, в результате которого складывалось стереотипное восприятие русскими других народов, в том числе и европейских, следует сказать, что практически за рамками паремийного фонда оказались мифологические представления. Это, видимо, объясняется ориентированностью обозначенной группы пословиц и поговорок на явления реальной действительности. Некоторая жесткость характеристик, даваемых европейцам, отчасти объясняется спецификой поэтики (краткостью и четкостью определений).

Европейцы чаще оцениваются негативно. Каждой нации приписывается собственный набор отрицательных качеств, что в целом не соответствует представлению русского народа о правильном человеке. Прежде всего, шведы и французы – плохие воины (первые описываются как потерпевшие поражение, уничтоженные, вторые лишь на время побеждают, а после оказываются голодными, пугливыми, не переносящими холода, не сопротивляющимися воинами, погибшими на чужой земле). Поляки и литва как воины оцениваются негативно с другой позиции – их военные действия, захват русских городов принес много горя нашему народу. Завоевание чужой земли было чуждо русскому менталитету. Но нашлась сила, способная прогнать поляков.

Если как воины европейцы оцениваются чаще с позиции физических качеств, менее – личностных качеств, то в мирной жизни европейцы воспринимаются русскими иначе. Личностные качества европейцев (во время бытовых контактов) для русских оказываются более значимыми. Русских удивляет болтливость, физические недостатки французов. Немцам приписывается ряд положительных черт (изобретательность, ученость, стать, лад). Но перечень недостатков, с точки зрения русских, еще больше (они педантичны, причудливы, не сообразительны, обладают малой жизненной стойкостью, физически слабы, много работают, иноверцы, не соблюдают посты, плутоваты, соглядатаи, пьяницы,

высмеивается их одежда и пристрастие к салу). Поляки оцениваются русскими только отрицательно: они не соблюдают закон, их традиции отличаются от русских, они разбойники, посягающие на чужое, лживы и вечно голодны, имеют склонность подслушивать. Живучесть тоже включается в перечень отрицательных характеристик. О прочих европейских народах говорится мало, но также делается акцент на их недостатках: жадности, лживости, глупости, связи с нечистой силой. Внешность европейцев воспринимается как нарушение нормы. Среди этого перечня можно увидеть качества, которые в русской традиционной культуре приписываются женщинам или нечистой силе (болтливость, низкий рост, тонкие ноги).

Контакты между женщинами и с женщинами (европейками и русскими) находятся на периферии паремийного мира: в них лишь высмеивается манера одеваться (перенятая у немок) и осуждается обычай главенствовать в семье (у полек). Военные контакты с европейками в русских народных пословицах и поговорках не отражены. Явно не выражены и контакты мужского и женского миров представителей нашего народа и европейцев. Оценка европейцев в русской традиционной культуре осуществляется – преимущественно – со знаком минус.

Очевидна и такая черта русской народной психологии, как этноцентризм (собственно, свойственный и другим народам). Если некая черта характера, способность европейца может принести пользу русскому, то эта черта оценивается положительно. Если же европеец обладает положительной чертой характера или неким навыком, который, однако, не приносит никакой выгоды русскому (хотя не приносит и очевидного вреда), то эта черта оценивается отрицательно, как отрицательно оценивается и многочисленный ряд собственно негативных свойств и характеристик.

Литература

Белик А.А. Психологическая антропология (культура-и-личность). Историко-теоретический очерк // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. М., 2001.

Белова О.В. «Другие» и «чужие»: представления об этнических соседях в славянской народной культуре // Признаковое пространство культуры. М., 2002.

Белова О. Тело «инородца» // Тело в русской культуре. М., 2005.

Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 2000.

Плотникова А.А. Встреча // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.

Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М., 2005.